

ЛЕКЦИЯ 9

Я напомним, на чем мы остановились в прошлый раз. Мы выяснили несколько вещей. Во-первых (и это «во-первых» состоит из трех пунктов), есть некоторые образования сознания, и именно они называются феноменами, то есть такие образования, которые, будучи составными, сложными, тем не менее воспроизводятся и функционируют в сознании независимо и поверх своей сложности. Далее мы выяснили, что сознание в свете этого факта выступает и переживается мыслителем как некое сложное, многоструктурное, иерархическое образование. Причем структуры, составляющие эту иерархию, могут быть генетически разнородными, возникшими в разное время и в разных местах, исторических местах, конечно, культурных местах (и последствия обстоятельства, о котором я сейчас говорю, мы увидим далее). И последнее: все эти образования сознания, называемые феноменами, и вообще всякие образования сознания, наслаиваясь одно на другое и иерархизируясь при этом наслоении, обладают свойством жить жизнью друг друга, то есть один какой-то, скажем условно, низший слой сознания может жить и двигаться в терминах другого слоя сознания (и последствия этого мы тоже увидим). Пока это абстрактная фраза, и мы попытаемся придать ей конкретность.

И еще одно обстоятельство (которое я напоминаю), очень важное, оттеняющее все вещи, о которых я говорил в конце прошлой лекции, и то, что я сейчас говорю: то, что называется феноменами, выступает перед нашими глазами (мы обращаем на это внимание и придаем этому какую-то значимость) в ситуации, когда снята, или нами не принимается, посылка абсолютного знания, или абсолютного сознания, то есть допущение некоторого сверхмощного интеллекта, который пробегает всю бесконечную цепь связей и допущение которого (я прошу вас пометить себе это для дальнейшего) является условием существования и допущения человеком и культурой абсолютных ценностей и значений. Скажем, можно показать (я постараюсь это сделать дальше), что предположения, что существует добро как таковое, абсолютное добро (не относительное), истина как таковая, красота как таковая и так далее, — они предполагают имплицитно или эксплицитно, если нам захочется это выявить, допущение аб-

солютного знания и абсолютного сознания, символом которого является... Что? Или кто? Что Вы сказали?

— Бог, я думаю.

— Правильно думаете. Бог.

Мы знаем уже, поскольку мы врываемся в дверь современной философии XX века, что, открывая эту дверь, мы, согласно Ницше, переживаем основное онтологическое переживание XX века, а именно переживание смерти Бога.

Я обозначил ту позицию, при которой снята посылка абсолютного сознания, или абсолютного знания, как такую позицию, в которой перед нами выступают некоторые образования, которые собою и в себе замещают некоторые множества связей и структур. Помните, я рисовал схему, на которой в сокращенном, синтетически сжатом виде представлено все множество связей системы (например, экономической), и представлено так, что агенту этой экономической системы или любого человеческого действия (если расширить пример) не нужно знать все связи системы, не нужно реконструировать и развертывать их в своем сознании, ему достаточно ориентироваться на феномен, чтобы выполнять законы системы. Выполнение законов систем, в которых действуют сознательные, то есть обладающие сознанием и чувствительностью, существа, не предполагает, что эти существа, чтобы выполнялись законы системы, должны были бы пробегать своим мысленным взором из какой-то внешней точки¹, или, как говорили философы, из трансцендентной перспективы, вынесенной вовне, все переплетения, все связи, все факты системы.

Тем самым я говорю, что феноменальная проблема начинается тогда, когда из сознания вытеснены некоторые слои самого же сознания. Нам даны результаты некоторых неразложимых взаимодействий, а сами взаимодействия из сознания вытеснены. Феномен вращения Солнца означает вытеснение из сознания всех сложных взаимодействий, вытекающих из положения человека как наблюдающего существа внутри Солнечной системы. При вытеснении этих взаимодействий в сознании есть только их результат, некое синкре-

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «...из какой-то высокой точки...» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 171).

тическое целостное образование, которое, как я говорил, несколько переиначивая слова Гуссерля (вернее, название его статьи), является архе-феноменом, то есть в качестве феномена¹ Земля неподвижна². И я подвел вас тем самым к проблеме редукции (так что простите меня за это короткое воспроизведение последних пассажей прошлой лекции).

Проблема редукции есть прежде всего проблема особых очевидностей, или достоверностей, сознания, проблема данных сознания. Проблема данных сознания в связи с феноменологической редукцией отличается от проблемы данных сознания в классической философии тем (о чем я тоже уже говорил), что данные в феноменологическом смысле слова не даны в обыденном смысле этого слова³. Феноменологи-

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «...некое синкретическое целостное образование <...>, образование, которое является феноменом. Как я говорил, несколько переиначивая слова Гуссерля (вернее, название его статьи), в качестве феномена...» (Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 171).

² Видимо, речь идет о тексте Гуссерля 1934 г.: «*Umsturz der Kopernikanischen Lehre in der gewöhnlichen weltanschaulichen Interpretation. Die Ur-Arche Erde bewegt sich nicht. Grundlegende Untersuchungen zum phänomenologischen Ursprung der Körperlichkeit, der Räumlichkeit der Natur im ersten naturwissenschaftlichen Sinne. Alles notwendige Anfang s-untersuchungen*».

³ Основополагающая для феноменологии процедура феноменологической редукции, *ἐποχή* предполагает воздержание от естественной уверенности в бытии мира, что означает не отрицание его существования, но признание того, что очевидность бытия мира, лежащая в основании «объективного» научного мышления, не абсолютна (не «аподиктична»), ей всегда предшествует очевидность сознания («бытия чистого *ego* и его *cogitationes*»). Редукция не уничтожает «естественную установку»: все содержание мира полностью сохраняется, но «с модифицированной значимостью, *только как феномен*». Утверждение о том, что Земля неподвижна, означает, что «Земля неподвижна как феномен».

Гуссерль писал: «Это универсальное лишение значимости („сдерживание“, „вывод из игры“) всех точек зрения в отношении преданного объективного мира, и, таким образом, в первую очередь точек зрения в отношении бытия (соответственно бытия, видимости, возможного, предполагаемого, вероятного бытия и т. п.), или, как обычно говорят, это феноменологическое *ἐποχή*, заключение в скобки объективного мира, вовсе не оставляет нас, таким образом, ни с чем. Напротив, то, что мы приобретаем именно таким путем или, точнее, что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть моя чистая жизнь со всеми ее чистыми переживаниями и со всеми ее чистыми полаганиями, универсум феноменов в феноменологическом смысле» (Гуссерль Э. Картезианские размышления. Размышление I, § 8).

ческая данность есть нечто, что реконструируется. Это есть такая очевидность, которую нужно увидеть, что, казалось бы, противоречит обыденному смыслу слова «очевидность». В нашем языке очевидностью называется то, что мы просто видим, а в философии данностью называется нечто, которое нельзя изменить и изобрести мышлением. Вслушайтесь в слово «данность». Данность в философии и теории познания означает, что есть нечто, что дано сознанию в том смысле, что это нечто не может быть изменено, или, скажем другими словами (я возвращаюсь к божественной терминологии): даже Бог не может сделать бывшее небывшим. Значит, то, что нельзя отменить или изменить, и то, что нельзя изобрести мышлением, или рассудочно, — это данность.

Так вот, в феноменологии появляется дополнительный смысл слова «данность»: феноменологические данности — это такие данности, которые не даны, то есть это такой слой сознания, к которому еще нужно прийти. Прихождение к этому слою сознания и есть процедура, называемая «эпохэ» или «редукция». Тем самым, редукция прежде всего сталкивается с фактом неданности некоторых очевидностей, которые, следовательно, нужно увидеть, не просто посмотрев, а, как говорил Платон, посмотреть, повернув глаза души (все то же самое, но посмотреть нужно иначе); и кроме того, феноменологическая редукция сталкивается с тем обстоятельством, что естественная, натуральная жизнь очевидностей сознания или слоев сознания может разворачиваться внутри и посредством терминов других слоев сознания. Поэтому и возникает проблема редукции — чего? Редукции других слоев сознания с их терминами.

Напоминаю еще один смысл феноменологического анализа: в нем некоторые образования сознания, называемые феноменами, имеют статус существования, а не явления (вы помните, надеюсь, я разъяснял эту проблему), — повторяю, имеют статус существования, или онтологический, бытийный статус, или, иными словами, в данном случае сознание не есть просто материал, на основе которого мы судим о чем-то другом, и это другое было бы существующим, например сущность. В классическом смысле движение Солнца, повторяю, — это есть материал, явление, на основе которого мы судим о реально существующем, то есть о движении Земли. В строгом философском смысле, внутри классического анализа, движе-

ние Солнца не существует, и, когда говорят: «оно явление», имеют в виду, что это есть нечто несуществующее, существует другое (а мы видим движение Солнца, потому что мы так устроены и таково наше место внутри планетарной системы). Термин «существование», или бытийная, онтологическая проблема, применяется в феноменологии к самим феноменам, или к явлениям, если переводить слово «феномен» (техническое, специальное понятие) на обыденный язык. Но я буду употреблять слово «феномен», чтобы вы помнили, что под феноменом, или явлением, в феноменологии мы понимаем совершенно особую разновидность явлений, таких, следовательно, которым придается статус существования.

Переиначим немного проблему. Значит, во-первых, те очевидности, или достоверности, о которых я говорил, имеют бытийный характер, то есть им приписывается статус особого рода бытия, или существования, и, во-вторых, добавлю для дальнейшего движения мысли, что эти очевидности иррефлексивны, или нерефлексивны, то есть они не требуют того акта, о котором я говорил, вспоминая парадокс студента, где мышление выступает в двух формах: в смысле сознания мышления¹ и в смысле самого процесса мышления. И вот возникает великий вопрос: все ли в самом процессе мышления требует сознания или самосознания? На языке Гуссерля это будет различие между тематическим мышлением, или тематическим сознанием, и операциональным, или функционирующим, сознанием. Тематическое сознание — это то сознание, которое действует эксплицитно, делая темой свое же собственное функционирование. Например, «я думаю, что...» — это рефлексивное высказывание. Но есть еще нечто, что думается, оно есть операциональное, нетематизируемое (словами Гуссерля). Я прошу прощения, что я сейчас немного влез в технику, чего я обычно избегаю.

Так вот, с этими предупреждениями поговорим об особых очевидностях. Причем запомним, что теперь мы с очевидностями имеем право работать, или иметь с ними дело, тогда, когда у нас круг наших возможных ходов и шагов

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «...в смысле сознания, мышления...» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 174).

весьма ограничен в одном простом смысле: мы имеем дело с очевидностями, но очевидностями такими, которые не основываются на предпосылке абсолютного знания и абсолютного сознания. Следовательно, я завоевываю тем самым один признак очевидности, то есть мы имеем дело с такими очевидностями, достоверность которых — в них же самих. Пока подвесим эту фразу, она еще не понятна, и, подвесив ее и запомнив, мы сделаем следующий шаг.

Те очевидности, о которых я говорю, очень часто встречаются не только в работе мышления познающего, но и просто в обычной этической, или моральной, сфере нашей жизни (и лучше примеры заимствовать из этой последней). У человека как особого существа, сознательного существа, в общем-то, независимо от науки и философии и частично, конечно, истории (но под влиянием всего этого, потому что язык науки и философии за тысячелетия, так же как и язык мифологии и ритуалов, проникал в наше обыденное сознание, в его термины), язык сознания, или вообще обыденный язык¹, посредством которого мы называем вещи, называем поступки, называем себя, называем других, — он довольно тонкое и сложное орудие, содержащее в себе большое богатство, большее, чем наш индивидуальный ум, и это богатство я в другой связи называл гением языка, который иногда говорит через нас.

Этот гений языка различает в том, что мы говорим в сфере морали, несколько категорий моральных явлений².

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «Те очевидности, о которых я говорю, очень часто встречаются не только в работе мышления познающего, но и просто в обычной этической, или моральной, сфере нашей жизни (и лучше примеры заимствовать из этой последней), жизни человека как особого существа, сознательного существа, в общем-то, независимо от науки и философии и частично, конечно, истории, но под влиянием всего этого, потому что язык науки и философии за тысячелетия, так же как и язык мифологии и ритуалов, проникал в наше обыденное сознание, в его термины. Этот язык нашего сознания, или вообще наш обыденный язык, посредством которого...» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 174–175).

² Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «Этот гений языка состоит в том, что мы пользуемся в сфере морали <...> теориями моральных явлений» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 175).

Среди этих моральных явлений, например, есть такое явление, как совесть. Совесть есть один из примеров достоверности, или данности, у которой не может не быть бытийного, или онтологического, статуса, или, другими словами, такой данности, достоверность которой замыкается на ней самой и которую мы воспринимаем, не обращаясь к каким-либо внешним по отношению к данной достоверности основаниям. Ведь когда мы говорим: «человек поступил по совести», что мы в действительности сказали, если вдуматься в то, что мы сказали? Если вдуматься в то, что мы сказали, то мы сказали следующее: человек поступил так, как он поступил, — нипочему, беспричинно, по совести. Здесь само слово выделяет определенную категорию явлений. Когда мы говорим: «человек поступил потому-то и потому-то» (ну, скажем, потому, что испугался, потому, что хотел есть, потому, что подхалим, потому, что проходимец, или потому, что сильный), мы ведь употребляем определенные слова, в них есть «потому, что». А вот когда мы что-то видим и знаем без знания «потому, что» («потому, что» есть всегда внешнее основание чего-то; когда мы говорим: «человек был голоден, он поступил так-то», у нас есть две вещи — поступок и внешнее ему основание, называемое нами голодом, или причиной), мы говорим: «Ну как почему? По совести». Мы не разворачиваем со стороны описываемый нами акт совести в какую-либо рефлексивную, основывающую себя, или обосновывающую себя, мысль. Но дело в том, что и внутри самой совести ее содержание не разворачивается ни в какую эксплицитную или рефлексивную, обосновывающую себя мысль.

Повторяю, именно наш язык говорит нам с несомненностью (поскольку в языке есть термины) о том, что существуют такие явления, которые самодостоверны. И самодостоверны они не только в гносеологическом смысле, то есть они не требуют процедуры разворачивания в причинную связь поступка (или содержания этого явления), но еще и в том смысле, что они есть сами собой. Поступил по совести, но совесть не есть причина, она не есть термин причинного объяснения, она есть сама по себе.

Следующий пример — немножко связывающий то, что я сейчас скажу, с тем, что я говорил в самой первой вводной лекции, объясняя статус вообще философии, цель философ-

ских занятий, связь философии с некоторым напряженным усилием в человеческом существе, таким усилием, без которого в мире чего-то нет. Я говорил: нет закона, если со стороны человека нет усилия, чтобы этот закон был, в том числе усилия понимания закона. Человеческие вещи живут, только делаясь каждый раз, снова и снова. Раз и навсегда в смысле существования и дления ничего сделать нельзя: если хочешь быть свободным, каждую минуту занимайся этим делом. Нельзя стать свободным, когда тебе, скажем, восемнадцать лет, и потом быть свободным всю жизнь, не занимаясь каждый день тем, чтобы снова, каждый раз заново, быть свободным.

Держа в голове тему усилия, которую я развивал раньше, мы будем четче понимать, что в мире и в человеческом существе есть вообще особые (кроме совести) явления; например, есть добро, честь. В этих явлениях есть особый признак, который объединяет их с явлением совести. Это признак следующий: добро, честь, совесть не имеют причин, а зло, ложь и так далее, то есть категории такого рода поступков — зло, нечестность, бессовестность, всегда имеют причину. Человек честен — «нипочему», совестлив — «нипочему», а нечестен — всегда «потому», несовестлив — всегда «потому» (нам не нужно никогда объяснять, почему совесть или почему честь: они сами есть конечный пункт объяснения; а когда бесчестье, мы не обрываем объяснения, мы его как раз начинаем). Это означает, следовательно, что, во-первых, есть «нипочемучные» вещи, вроде чести и совести; они — «нипочему», несут сами в себе свою достоверность¹, и, во-вторых, они и есть как раз проявление такого усилия бытия, о котором я говорил как о повторяющемся ежечасно, ежеминутно, или все время возобновляемом, усиллии бытия.

Еще одно отличие состоит в том, что зло и бесчестье не суть позитивные явления. Объяснение этого, может, будет извилистым, но оно упростит нам понимание сути дела. Для этого нужно вспомнить то, что я говорил об усиллии. Я го-

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «...они „нипочему“ несут сами в себе свою достоверность...» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 176).

ворил, что в человеческом сознании есть некоторые вещи (и именно с ними связана философия), которые *должны делаться*, в отличие от вещей, которые *делаются сами* или натуральным сцеплением причин и действий, стихийно, натурально. В этом смысле можно сказать, например, что ум — это то, что мы думаем, а глупость — то, что думается независимо от нас. Философия и наука суть техники ума, техники создания в себе таких состояний, которые натуральным ходом событий и вещей не создаются. А что создается? Естественным образом нам приходит в голову только глупость, причем подчеркиваю, что слова «ум» и «глупость» философами употребляются не в психологическом смысле, то есть независимо от того, что мы называем способностями (мы обычно ум и глупость рассматриваем прежде всего с точки зрения психологических способностей отдельных людей: вот один одарен умом, другой глуп, у одного такие-то способности, у другого другие). Философия никакого отношения к способностям людей не имеет, она считает, что при прочих равных обстоятельствах все это не имеет никакого значения и увидеть ум может каждый совершенно независимо от биологических склонностей¹, данностей своего человеческого аппарата.

Я сказал, что ум — это то, что мы можем подумать, если постараемся и если нам повезет. А когда не стараешься, то стихийным процессом вокруг нас, вне нас и независимо от нас подумается и придет в голову — что? Глупость. Это же относится, кстати, и к бесчестию, и ко злу. Что это означает? Это означает, что злом называется нечто, что появляется в пустоте, оставленной несделанным добром, или в переводе на простой русский язык (и я снова возвращаюсь к гению языка) мы говорим: свято место пусто не бывает. Это место, которое должно быть заполнено, например, нашим умом. А мы не приложили усилие, не выдержали напряжение, без усилия же нет ничего, — так вот, свято место пусто не будет, оно будет обязательно заполнено спонтанным, натуральным действием сцеплений, например идеоло-

¹ Исправлено по сравнению с первым изданием книги. Ср.: «...биологических тонкостей...» (*Мамардашвили М.* Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 177).

гических, которые внесут на пустое, святое место то, что мы назовем злом, бесчестьем, бессовестностью и так далее.

Тот ход, который я сейчас проделывал, он проделывался в истории человеческой мысли (это нечто вроде отрицательной метафизики), он проделывался и в области религиозной мысли, скажем, в таких течениях христианства, где сатана и дьявол не рассматриваются как реально и позитивно существующие явления. Поэтому я и сказал, что зло отличается от добра тем, что зло не есть позитивная, реальная сила; это есть нечто, что появляется в той пустоте, которая не заполнена человеческим деянием, или напряжением, — быть, сбыться, стать! И вот теперь мы понимаем смысл той фразы, которую я уже однажды обронил. Мы понимаем, почему там фигурировало слово «дьявол». Я сказал: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно», имея в виду некоторые особенности современного социального и социально-утопического мышления. Я имел в виду ту вещь, которую я теперь объяснил. Под точным мышлением нужно понимать мышление, заполняющее святое место, которое специально оставлено пустым для нашего усилия, для нашего напряжения, для того, чтобы мы сбылись в этом месте, а если мы не сбылись, то оно заполнится глупостью. В случае мышления мы можем сказать так: дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно.

Это связано и с проблемой мастерства в философском смысле этого слова. Философия, повторяю, не только антипсихологична, но она и (как бы это выразиться?) «антинамеренческая». Мы обычно пользуемся словом «намерение»: человек хотел того-то, намеревался сделать то-то и то-то и так далее. Философия пытается рассуждать так (или всякий человек как философ пытается строить себя так), чтобы не вносить язык намерений в то, что делается, потому что все, что делается, есть не человеческое состояние — эмпирическое, психологическое (желания, стремления), а искусство, или мастерство. Вы знаете, что дорога в ад вымощена благими намерениями, в том числе и литературный акт <тоже может быть дорогой в ад, вымощенной добрыми чувствами>. А ведь литератор знает, что добрыми чувствами не пишутся романы по одной простой причине, что добро, порождаемое романом или содержащееся в нем, есть искусство, или в переводе на язык, возвращающий нас к тому, о чем я говорил, скажем так:

добро есть точность мышления, до конца сработанная вещь; она есть носитель добра, а не наше намерение.

Я уже вашим коллегам здесь рассказывал (в лекциях по античной философии¹) о моем любимом писателе детективных историй — есть такой американец, Раймонд Чендлер, который в предисловии к сборнику своих рассказов, описывая разные жанры детективной литературы (в том числе английский детектив), иронически говорит о том, что писатели часто хотят написать хорошую, честную прозу. «Намерения есть такие, и в этих намерениях я не сомневаюсь», — говорит он. И дальше в этом контексте он роняет фразу, которая глубоко совпадает с моими убеждениями. Чендлер говорит: «Но они не понимают, что честность — это искусство, а не намерение». Честность — это искусство, а не намерение.

Так вот, рассказывая обо всем этом, я обрисовываю фактически поле [философии] на, казалось бы, бытовых примерах, хотя для того, чтобы пояснить бытовые примеры, мне пришлось залетать очень высоко, хватать бога за бороду, но наш быт, очевидно, таков, что в нем бытово присутствует нечто высокое. И тем наш быт отличается от животного быта. (...)

ЛЕКЦИЯ 10

Продолжим наши занятия. Мы остановились в прошлый раз на проблеме редукции, или эпохэ, которую я пытался объяснить, показывая обнаруженную философами особенность работы сознания, которая состоит в том, что сознание, будучи переплетением и иерархией разных гетерогенных структур, работает так, что одни слои сознания выражаются в терминах других — скажем условно, более высоких слоев сознания — и движутся в формах этих последних. Поэтому и возникает проблема редукции как такая проблема, решение которой предполагает технику, условно скажем, притормаживания, придерживания, нейтрализации или подвешивания каких-то спонтанно и автоматически срабатывающих мысленных привычек, терминов, представлений, семанти-

¹ М. К. имеет в виду один из курсов лекций по античной философии, который был им прочитан во ВГИКе.